

Pokhresnyk A. World and National Science: Challenges of the XXIst Century.

The article examines the history of the emergence and development of integrated educational and research facilities as a means of implementing the slogan «Knowledge is power.» It is specified on the positive and negative aspects of such a complex in the Soviet Union. It presents the reasons for the rapid decline of the exact sciences and leadership in the post-Soviet territory and in the most developed countries. It considers research and development in 25 countries around the world and based on the absolute amount of compound quality rating (relative intensity). It is indicated that sciences and higher education in the years will undergo radical changes due to the impact of the Internet and because of the emergence of entirely new energy sources and 3D-printers. For Ukraine it is important to change the content of higher education and not the implementation of the structural requirements of the Bologna process. Strategy for economic progress should be based on solar energy and 3D-printers.

Keywords: higher education, science, educational and scientific complex, qualitative research, solar power, 3D-printers orientation of higher education.

Загурская Н.

**О СМЕРТИ ПОСТЧЕЛОВЕКА (POSTHUMAN)
И О ПОСТЧЕЛОВЕКЕ (POSTMAN)**

Статья посвящена уточнению концептуальных нюансов проблематики постчеловеческого. Произведено различение постчеловека (posthuman) и постчеловека (postman). Рассмотрена проблема смерти постчеловека (posthuman) и актуализация постчеловека (postman) как семиотического, сенсуального человеческого существа, которое субъективируется в качестве субъекта-как-субъекта. Показано, что с событийностью постпостмодерна коррелирует постчеловек (postman).

Ключевые слова: постчеловек (posthuman), постчеловек (postman), субъект-как-субъект.

Постановка проблемы в общем виде. В постструктуралистском и семиотическом контекстах постчеловеческое оказывается игрой освобождённых означающих как тактикой противостояния (пост)гуманистической претенциозности и серьёзности. Проективности противопоставляется открытость, поливерсивность в широком понимании, т. е. разнообразие тактик постчеловеческого. Судьба постчеловека в таком случае оказывается нарративной линией, которая прочерчивается в пространстве гипертекста. Поэтому

расщепление, смерть инвертирует и трансфигурирует субъектность в постсубъектность, которая предстаёт в качестве становления-субъектом, субъекта-в-процессе, субъекта-как-субъекта и пр. Постчеловек как постсубъект существует в виде следа, палимпеста, марки, подписи и пр. В связи с этим постчеловек предстаёт в качестве пишущего и почтальона одновременно. Анализ последних исследований и публикаций.

К. Колбрук в *Смерти постЧеловека* обращает внимание на то, что так называемое «органическое мышление», ориентированное на телесные трансформации и возможности корпорального самоопределения, с лаканианской точки зрения можно отнести к регистру Воображаемого и отметить недостаток Символического. Это в полной мере касается виртуальной телесности, которая оказывается приманкой, апофеозом прямолинейно поданного соблазна. Образ же тела всегда сенсуально и семантически маркирован, проговаривается и организуется в лингвистерии, выявляющей «противостояния, эксцентричное затруднение говорящего субъекта, чьё желание никогда не дано в живом настоящем, но артикулируется и диспергируется в то время, которое никогда не бывает каким-то самоосмысленным и самоаффектированным целым» [12, 62].

В таком случае можно модернизировать утверждение Ж. Лакана «психоанализ – это не гуманизм» в утверждение «структурный психоанализ – это не постгуманизм». Точнее, и гуманизм, и постгуманизм одновременно – своеобразный гуманизм без гуманности, гуманизм в самом широком смысле.

«Исключив науку об объекте-субъекте, он [Лакан – Н. З.] утверждает возможность *sui generis*, своеобразной науки о субъекте-как-субъекте, о субъективной функции, чья возможность подразумевает радикальную реформу самих понятий “наука” и “истина”. Мечта Лакана состоит в умении говорить о субъекте-как-субъекте. Для него, можно говорить о трансцендентном эго постольку, поскольку оно представляет себя и артикулируется в своем собственном мире: оно проявляется в отчуждении себя во внешние объекты» [3, 64], – в свою очередь артикулирует С. Бенвенуто и продолжает: «на фрейдовском поле, засеянном симптомами, оговорками, сновидениями, остротами и т. д., Лакан видит цветение субъекта-как-субъекта» [Там же, 78-79]. Именно поэтому абстрагирование субъекта-как-субъекта возможно только посредством фигур, границы которых мерцают в их пределах, ведь бессознательное включает свои границы и не вписывается в картезианскую протяжённую субстанцию. В связи с этим субъект-как-субъект

невъразим, но артикулирован; не познан, но признан в соответствии с Принципом Признания, эк-статичным, но ухватываемый лишь в речи.

Выделение нерешенных ранее частей проблемы. Поливерсия проявлений постчеловека вызвана разнообразием трактовок истины, непосредственно связанной с письмом. В отличие от А. Бадью, Ж. Лакан полагает действительно серьёзным только любовное событие, которое перестаёт не писаться в противовес сексуальным отношениям, которые не перестают не писаться или лишённой существования необходимости, которая не перестаёт писаться. В последнем случае смещение отрицания может приводить к темпоральному *suspens* 'у и это «подмена, в которой заключена драма любви и ее судьба» [9, 172-173]. Распознавание этой подмены приводит к встрече как встрече аффектов.

Именно в связи с этим персонаж романов Ч. Буковски бесповоротно вырывается с почтамта, чтобы окунуться в жизнь, по большей части сексуальную, даже понимая, что вернуться к работе на почтамте ему никогда не удастся. Персонаж изначально попадает туда по ошибке, поскольку доставка писем превращает почтамт в репрессивную инстанцию, в которой служащие должны чётко придерживаться правил гигиены, в том числе моральной: «весь почтовый персонал обязан действовать с неуклонной порядочностью и безусловной преданностью интересам общества. Мы надеемся, что почтовый персонал будет соблюдать высочайшие нравственные принципы и блюсти законы <...>. Данные обязанности должны выполняться сознательно и с пользой. Почтовая Служба обладает уникальной привилегией ежедневного общения с большинством граждан Нации и является во многих случаях средством их наиболее непосредственного общения с Федеральным Правительством» [4]. Тогда как персонажу хочется вопить о том, что не может идти речь о доставке писем, если неизвестно, кто получатель, кто его окружает, да и кто такой сам персонаж как постсубъект-в-процессе. Во многом именно для того, чтобы это выяснить, он принимается за роман.

Жизнь сквозит именно в приоткрытости, незавершённости писем, даже мёртвых. Персонаж «Обладать: Романа» А. Байет признаётся, что «мёртвые письма вызывали у него трепет, трепет прямо-таки физический. И всё из-за их незаконченности» [1] несмотря на то, что плоть представляется ему более загадочной. Но поскольку особенности письма, его грамматика, синтаксис и пр. в такой же степени являются признаками субъекта («Вы самое», в какой хромата Клеопатры, была частью её самое в глазах млеющего Антония – и даже в большей мере, потому что в рассуждении рук, уст и глаз все

люди хоть сколько-нибудь да похожи (хотя у Вас они обворожительны и наделены магнетической силой), но мысль Ваша, запечатленная в словах – это Вы» [Там же].

Цель и задания исследования. Целью исследования является осмысление образа-концепта постчеловека (postman) в сравнении с образом-концептом постчеловека (posthuman), что позволит уточнить концептуальные нюансы проблематики постчеловеческого. В связи с этим предполагается рассмотреть проблему смерти постчеловека (posthuman) и актуализацию постчеловека (postman) как семиотического, сенсуального человеческого существа, которое субъективируется в качестве субъекта-как-субъекта. Исследование предполагается осуществить на материале структурного психоанализа, семиотики, философии постмодерна на примерах из художественной литературы и жизненных практик.

Изложение основного материала исследования. Мерцание сенсов подобно роению означающих субъекта S_1 (essaim): «говоря об означающем S_1 я именно их, эти означающие, имею в виду, мне придется, при записи, соотнести его с S на двоих, S_2 » [9, 170]. Но S_1 при этом предстаёт в бесчисленности, рое версий. Ж. Лакан неоднократно подчёркивает проблематичность пары как единицы исходя из первой гипотезы Парменида: «Мы – одно (Nous ne sommes qu'un). Ежу понятно, что никогда ещё двое в одно 5 не сливались, но люди, несмотря на это, не устают повторять: *мы-одно*» [Там же, 58]. Эти соображения охотно подхватывает А. Бадью, отсекая при этом следующий ход, который делает Л. Иригарей: «нет любви к другому без любви к одинаковому» [8, 94], которое, важно заметить, не осознаёт себя таковым, иначе другое нельзя было бы представить. Выходит, что любовь вдвоём подразумевает любовь к роящемуся, мерцающему множеству, что, по сути дела, её и обуславливает как и взаимодействия субъектов-как-субъектов в целом в отличие от взаимодействия субъектов-как-объектов.

Роящееся, мерцающее множество структурируется фрактально. По мнению делёзианских философствующих именно фрактал является наиболее адекватной пространственной метафорой постэдипального, постонтогеологичного мира [14]. С этой точки зрения фрактал аналогичен не столько совокупности симптомов, сколько синтому как процессу означивания; метафоре, возвращающейся в Реальное. Именно его постэдипальность позволяет избежать психотизации и обрести Великое Здоровье с присущей ему номадической организацией наслаждения. К тому же в процессе трансформации психотической симптоматики в языковую синтональность

обнаруживается истина субъекта как оплот сопротивления посредством ускользания. Синтом сопротивляется окончательной интерпретации в пользу экспериментирования подобно тому как фрактал сопротивляется взгляду.

Именно фрактал становится актуальным воплощением барокко. Барокко, по мнению Ж. Лакана – это лицо возвращения к истокам, «регуляция души путем созерцания тела» [9, 139]. Сама затейливая орфография Ж. Лакана рассматривается многими исследователями в качестве барочной инкрустации. С. Бенвенуто усматривает в этом подходе парадоксальность лакановской теории и даже структурного психоанализа в целом, в котором субъект обнаруживается в барочном взаимопереплетении языка и реального. «В известном смысле, его теория может быть описана как изоморфная его модели субъективности: невероятно барочным образом теория эта вращается вокруг некоей вещи, которая ей эксцентрична, вокруг чего-то такого, чего самой этой теории не хватает (в каком-то смысле Лакан прибегает к самоограничению лакановской теории)» [3, 110].

В этом смысле и Ж. Делёз остаётся лаканианцем, поскольку соотносит сверхгибание и текстуальность, а его понимание поверхности близко к разладу в плоскости, который подразумевает особое измерение, измерение сказывания (*dit-mension*), в котором Вещь (*thing*) не только омонимична, но и структурно соотносима со знаком (*signe*). *Dit-mension* – это также и «это *ditmanche*, рычаг речи, а значит, *dimanche*, воскресенье: тот, по выражению Кено, праздник жизни, что оборачивается, как он же показал, одичанием» [9, 127], а лингвистика – лигвистерией.

По замечанию А. Мёрдок, человеческое существо протяжённо и существует только в настоящем, поэтому «чувства, если разобраться, существуют либо в самой глубине человека, либо на поверхности. На среднем же уровне их только играют. Вот почему весь мир – сцена, почему театр не теряет своей популярности» [11]. Игра различий оказывается актом порождения, концептуально активным и продуктивным: «надо этим двойным письмом, да, стратифицированным, расклиненным и расклинивающим, обозначить дистанцию между инверсией, ставящей верх вниз, деконструирующей сублимирующую или идеализирующую генеалогию, и вторгающимся возникновением нового “концепта”, концепта, по своей сути уже не допускающего, никогда не допускавшего понимания в прежнем режиме» [6, 50-51]. Концепт как умопостигаемое, *signatum* обуславливает действительность философии в случае, если различение, рассеивание не редуцируется к разности, а является таким оператором

общности, который продуцирует бесконечное количество семантических эффектов посредством расстановки (*espacement*) и импликации. Вы-ражение же как человеческое всегда-уже превзойдено и идёт вразнос, разносится, что позволяет создать игровой пространственно-темпоральный контекст постчеловеческого.

За этой близостью следует рассмотрение «человеческого» как метафизического предиката, учитывая, что «умерший сохраняет весьма специфическую действенность» [Там же, с. 14]. Близость синонимична присутствию, поэтому чтобы избежать метафизикализации необходимо в определённом смысле пройти сквозь смерть ради того, чтобы её онтическая близость обернулась онтологической удалённостью. Тогда, как подчёркивает Ж. Деррида, близость смерти покидает также и онтическое, а онтологически обнаруживается в мысли близкого и далёкого, желания и закона.

Отыгрывание этого принципиально непреодолимого столкновения происходит в пространстве *hontologie* – онтологии стыда, причём чувство стыда возникает от «удивления» аффективными бессвязностями. Означающее же стыда – единственный знак, генеалогию которого можно отследить, а все прочие обценны. В этом случае почти любая сцена комична и смерть со смеху неотличима от смерти от стыда, который, по словам Ж. Лакана, остаётся единственным аффектом смерти, достойным смерти. Но если единственным, хоть и парадоксальным аффектом по его мнению является мысль, тогда эмоциональной подоплекой мысли является именно стыд, подобно тому, как эмоциональной подоплекой действия – тревога. Говорящее существо не может включиться в дискурс предварительно не устыдившись и не испытав желание прикрыть стыд и срам посредством языка. Дальнейший ход позволяет утверждать, что мышление принципиально порнографично.

Но и после этого обнаруживаются ещё более эксцентричные возможности порнократии: «Когда я, не дождавшись телефонного звонка, на полном серьёзе обдумываю самоубийство, это столь же непристойно, как и у Сада римский папа, содомизирующий индюка» [2, 217]. Непристойной в таком случае оказывается претензия на излишнюю близость, несовместимую с толерантностью. С. Жижек настаивает, что «у постсобытийной реальности есть непристойная оборотная сторона, разъедающая ее изнутри» [7, 169]. По его мнению приятие обнаруживается как раз в ходе обмена грязными шутками, которые обнажают слишком человеческое и делают возможной близость. Но в поливерсивном контексте сохранить личное пространство возможно только с помощью постчеловеческих до

нонсенса грязных шуток. Таким образом реализуется не апатия, но, пользуясь формулировкой Б. Гройса, воля к отдыху.

Именно в закрытых, частных пространствах, формирующихся разрушающим жестом, возникает дающий опору метафизический код, ограждённое действие которого может продолжаться бесконечно и диссеминировать само закрытое пространство. «Закрытие метафизики», таким образом нелинейно и философия узнаёт себя в окаймляющем контуре: «Предел здесь имеет форму всегда разных промахов, членений, мету или шрам которых носят на себе все философские тексты» [6, 68]. Эти промахи и представляют собой скрытые версии, которые дают внешний поливерсивный эффект.

Минотавр как воплощение тупика в лабиринте, конечного в бесконечном даёт возможность паре преодолеть ложное бесконечное, мнимую вечность как «принцип смятения духа» [5, 362], причину душевной тревоги. Если ложное бесконечное – множество симулякров, которое не может быть воспринято, тогда фармаконом тревоги является аналоговый натуралистический атомизм.

Ж. Лакан полагает объяснением тревоги исчерпывающий ответ на ложное требование. Невротик никогда не демонстрирует тревоги и именно поэтому осуществляет *ressentimentальный suspens* в мнимой вечности. Тогда как от тревоги как причины сомнения, несомненного, ужасной уверенности можно двигаться во всех направлениях, «переводить стрелки на любые пути» [9, 96]. Этими стрелками становятся означающие симптомов как составляющие фигуры Судьбы, внешние причины желания. Поэтому по сравнению с *acting out* отыгрывание всегда обнажает фаллическую дыру в центре генитального. «Там, где фаллоса ожидают и требуют, в плоскости генитального посредничества, его не оказывается – вот почему истиной сексуальности, тем, что каждый раз обнаруживается на песке во время ее отлива, является тревога» [Там же, 334]. Транспонируя эту метафору, можно обнаружить, что на месте смытого человеческого как фаллического проступает постчеловеческое как генитально, но при этом активное: «действовать – значит вырвать у тревоги ее уверенность. Действовать – значит осуществить перенос тревоги» [Там же, 97].

В этом контексте обнаруживается также принципиальное отличие шпиона от вуайера, глаз которого не осуществляет внеположенную, непостижимую функцию. «Незнание актеров о своем положении носит принципиальный характер, поскольку, если им известно о вуайере, то он в свою очередь чувствует на себе взгляд и, тем самым, низводится до уровня “яичек” [Латинское *testes*, свидетельствовать,

этимологически происходит от *testicle*, яичко. – Прим. пер.]. Даже в этом случае пенис – наблюдающий за проникновением, исчезновением и возвращением – занимает место *i (a)*, образа объекта, но с другой позиции, нежели при эксгибиционизме: мерцающий пенис связан скорее с Другим, чем с субъектом» [3, 87]. Наслаждаясь взглядом, вуайер превращает событие в сцену, исключая истину нехватки. «Несовпадение этой нехватки с функцией проявляющего себя желания, функцией, чье строение детерминируется фантазмом, с одной стороны, и мерцанием спаренного с частичным объектом субъекта, с другой, дистанция между ними – вот из чего берет свое начало тревога» [10, 285]. Именно поэтому вуайер, будучи первертом, а не невротиком, бездействует, не принимая во внимание сингулярную событийность, имманентную трансцендентность Вещи. Если объект можно соотнести скорее с причиной желания, то Вещь – с его целью. С. Бенвенуто делает следующий ход и предлагает соотносить Вещь с целевой причиной. В любом случае «лакановская вещь – некий абсолют, в котором субъект ничего о себе не узнает, и, как таковая, она – скорее объект абсолютного отвращения» [3, 105-106], т. е. в определенном смысле её можно соотнести с объектом, пользуясь концептом Ж. Лакана и Ю. Кристевой, который обосновывает тревогу и может быть соотнесен с объектом реального, л-объектом, латузой. Тогда ориентация на Вещь предполагает постгероизм, необходимый при появлении чувства отвращения неотделимого от *Unheimlich* в спектре от тревоги до ужаса.

Таким образом понятый реализм в искусстве акцентирует пустоту, которая противопоставляется иллюзии, на нехватку которой сетует Ж. Бодрийяр. «Реализм – не свет материи: он касается нерушимой тайны отношения разума к миру. Это отсылает нас к энигме репрезентации, головоломке знаков, загадке языка, химере самого сознания. Так давайте ступать здесь осторожно. <...> запрещены только фальшь и притворство» [13, 46-47]. И. Хассан именно с пустотой ассоциирует истину и доверие, благодаря которым возможна ре-анимация философии, искусства и пр. С. Бенвенуто замечает, что такая пустота – это пустота Вещи как центр циклона событийности: «искусство и истерия организованы вокруг этой пустоты; религия и невроз навязчивости – средства избегания этой пустоты; наука и паранойя происходят из неверия в эту пустоту» [3, прим. к с. 105-106]. Эти соображения вполне можно соотнести с соображениями И. Хассана: «здесь подходит Эдип. Истина (truth) <...> покоится на доверии (trust), личном, социальном, когнитивном доверии. Но что такое доверие? Я отвечаю в общем: в большей степени чем консенсус

доверие зависит от самоотвержения, самоопустошения, чего-то подобного кенозису. Она требует бесстрастия, эмпатии, внимания к другим и тварному миру, к чему-то, что не является нами самими. Но, в конечном счете, оно требует лишения прав на владение собой. Вот почему истина и доверие остаются духовными качествами – не просто психологическими, не только политическими, но, прежде всего, духовными ценностями» [13, 45]. Поэтому возможно рассматривать в качестве *постпостмодерна* сам по себе *постмодерн* (*postmodernity*), который выходит за пределы *постмодернизма* как *стиля*.

Выводы. В результате исследования выявлено, что с событийностью *постпостмодерна* коррелирует *постчеловек* (*postman*). Цитата в контексте *постпостмодерна* становится композиционным приёмом и выступает уже не столько дискурсивной игрой, сколько способом самовыражения, а большую степень *постпостмодерной* трушности, аутентичности обнаруживает не *постчеловек* (*posthuman*), а *постчеловек* (*postman*).

Перспективы дальнейших исследований. Очерчивая перспективу дальнейших исследований, стоит отметить необходимость детального рассмотрения языкового измерения *постгуманизма*. Это станет актуальным развитием богатой философской традиции рассмотрения человеческого существа как существа говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байетт А.* Обладать: Роман [Электронный ресурс] / [пер. с англ. В. К. Ланчикова, Д. В. Псурцева]. – М. : Гелеос, 2006. – 656 с. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/976721/>.
2. *Барт Р.* Фрагменты речи влюблённого / [пер. с фр. В. Лапицкого]. – М. : Ad Marginem, 1999. – 432 с.
3. *Бенвенуто С.* Мечта Лакана / [пер. с англ. М. Колопотина, В. Мазина, Н. Харченко]. – СПб. : Алетейя, 2006. – 172 с.
4. *Буковски Ч.* Почтамт [Электронный ресурс] / [пер. с англ. М. Немцова]. – М. : Эксмо, 2007. – 267 с. – Режим доступа : <http://iknigi.net/avtor-charlz-bukovski/29020-pochtamt-charlz-bukovski.html>
5. *Делёз Ж.* Логика смысла / [пер. с фр. Я. И. Свирского]. – М. : Academia, 1995. – 299 с.
6. *Деррида Ж.* Позиции / [пер. с фр. В. В. Библихина]. – М. : Академический Проект, 2007. – 160 с.
7. *Жижек С.* Накануне господина: сторяся рамки / [пер. с англ. А. Ожиганова и др.]. – М. : Европа, 2014. – 280 с.
8. *Иригарей Л.* Этика полового различия / [пер. с фр. А. Шестакова, В. Николаенкова]. – М. : Художественный журнал, 2004. – 184 с.

9. Лакан Ж. Ещѐ (Семинар, Книга XX (1972/73)) / [пер. с фр. А. Черноглазова]. – М. : Гнозис, Логос, 2011. – 176 с.
10. Лакан Ж. Тревога (Семинар, Книга X (1962/63)) / [пер. с фр. А. Черноглазова]. – М. : Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2010. – 424 с.
11. Мёрдок А. Море, море [Электронный ресурс] / [пер. с англ. М. Лорие]. – М. : Прогресс, 1982. – 527 с.
12. Colebrook C. Death of the postHuman: Essays on extinction, vol. 1. – L. : Open Humanities Press, 2014. – 245 p.
13. Hassan I. Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust // Дифференциация и интеграция мировоззрений: художественный и эстетический опыт. – СПб. : Эйдос, 2004. – С. 38-52.
14. larvalsubjects. Murky Thoughts: From Name-of-the-Father to Sinthome [Electronic resource]. – 2008. – Way of access : <https://larvalsubjects.wordpress.com/2008/11/11/murky-thoughts-from-name-of-thefather-to-sinthome-part-1/>.

Загурська Н. Про смерть постлюдини (posthuman) та про постлюдину (postman).

Стаття присвячена уточненню концептуальних нюансів проблематики постлюдського. Здійснено розрізнення постлюдини (posthuman) та постлюдини (postman). Розглянуто проблему смерті постлюдини (posthuman) та актуалізацію постлюдини (postman) як семіотичної, сенсуальної людської істоти, що суб'єктивується як суб'єкт-як-суб'єкт. Зазначено, що зі снів-буттєвостю та подієвістю постпостмодерну корелює постлюдина (postman).

Ключові слова: постлюдина (posthuman), постлюдина (postman), суб'єкт-як-суб'єкт.

Zagurskaya N. On the death of the posthuman and the postman.

The article is devoted to clarify the conceptual nuances posthuman problematic. Produced differantiation of posthuman and postman. The problem of death posthuman and actualizing of postman as a semiotic, sensual human being who subjectivized as a subject-as-subject. It is shown that with postpostmodern eventuality correlates postman.

Keywords: posthuman, postman, subject-as-subject.